

УДК 811.142

ББК 81.411.2 + 83.3(А.П.Чехов)

**А.Е. Павленко,
Г.В. Павленко,
О.А. Строганова**

**КОМИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ
ИНОСТРАНЦЕВ
В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА
И ПРОБЛЕМА
ПЕРЕВОДИМОСТИ**

Переводчики художественной литературы с русского языка на английский приобрели богатый опыт передачи представлений русских об иностранцах при создании образов отдельных литературных героев. В соответствии с давней традицией, иностранцы описываются в комической или юмористической манере. Такая традиция передачи своего отношения к иностранцам в русской классической литературе подразумевает использование этнических стереотипов и прозвищ, сформировавшихся в культуре народа задолго до эпохи политкорректности.

Ключевые слова: *А.П. Чехов, проза, литературный перевод, английский язык, комический, персонаж-иностранец, стереотип, речевая характеристика, реалия, трудность перевода, местный колорит.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-3-114-123

Павленко Александр Евгеньевич – докт. филол. наук, доцент, профессор кафедры английского языка Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
E-mail: alex_pavlenko@inbox.ru

Павленко Галина Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Таганрогского института управления и экономики
E-mail: galina21c@inbox.ru

Строганова Ольга Александровна – канд. филол. наук, доцент Института гуманитарных дисциплин Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
E-mail: stroganova.olga88@gmail.com

© Павленко А.Е., Павленко Г.В., Строганова О.А., 2019.

Введение

Переводчикам художественной прозы, драматургии и поэзии с русского языка на английский приходится сталкиваться с проблемой передачи образов персонажей-иностранцев. Данная практика заслуживает отдельного рассмотрения, и, в этом отношении, важно учитывать существующие стереотипы описания иностранцев в русской художественной литературе, в которой такие персонажи вовсе не редкость. Согласно освящённой временем традиции, иностранцы изображались русскими авторами в комическом или юмористическом ключе [Забровский, 1994; Панова, Тюменцева, 2008]. В этом отношении русская литература следует мировым образцам. Возможно, русская литературная традиция лишь несколько более последовательна в пародировании и высмеивании иностранцев, чем некоторые другие. Этот факт не является результатом того, что русские писатели придерживались более ксенофобских взглядов, чем их европейские коллеги. Скорее определенные особенности самой русской культуры сделали иронию по отношению к иностранцам широко используемым литературным приемом. Этот феномен связан с проблемой самоидентификации и постоянного сравнения собственной культуры и собственного менталитета с соседскими. Такое отношение парадоксально сочетает в себе определенный комплекс неполноценности с высокомерием.

Практика изображения иностранцев важна и симптоматична в плане осознания собственной идентичности и позиционирова-

ния себя в системе «свой – чужой». Лингвистическое измерение образов иностранцев – в нашем случае, прежде всего, комических образов – иногда так же важно, как и простое описание. Значимой составляющей данного измерения является речевая характеристика, позволяющая судить о персонаже литературного произведения по тому, как он говорит [Хализев, 1976, с. 128].

Еще Пушкин и Гоголь начали включать в свои произведения образы комичных и/или жалких иностранцев. Таковы, например, французские гувернеры Бопре в «Капитанской дочке» и Дефорж в «Дубровском»; жестянщик Шиллер и сапожник Гофман в «Невском проспекте». Большой популярностью пользовались подобные персонажи с их портретными характеристиками и у более поздних авторов, среди которых, пожалуй, выделяется А.П. Чехов.

В его произведениях мы встречаем немало комических персонажей иноземцев – греков, немцев, французов, англичан, персов, или представителей нерусского населения России (так называемых «инородцев») – армян, евреев, поляков и других.

В действительности, чеховские иностранцы обычно немногословны (по крайней мере, они не много говорят на ломаном русском языке), и юмористический эффект создается, в основном, либо их необычными внешним видом и поведением, либо «странным» образом мыслей (сравните рассказы «Дочь Альбиона» (1883) и «Глупый француз» (1886)). Кстати, последний, насколько нам известно, так до сих пор и остается непереведенным на английский язык.

Годы детства и юности, проведенные Чеховым в южном портовом Таганроге, дали ему яркие впечатления, которые стали важным материалом для его творчества. Однако значение этого периода в творческой деятельности писателя не было, конечно, некоей константой. Изображение «экзотической» провинциальной жизни, явно вдохновленное его таганрогским опытом, характерно для раннего Чехова. Некоторые многочисленные живописные нерусские персонажи – типичная черта произведений того периода. Образы иностранцев и инородцев являются частью так называемого «местного колорита» в чеховских произведениях, т.е. особенностей жизни юга России и прежде всего Таганрога. Проблема «колорита» вызывала споры уже среди критиков и литературоведов из числа современников писателя. Одни авторы были склонны переоценивать значение местных мотивов в произведениях Чехова (например, [Тан, 1910; Сурожский, 1910; 1914; Васильев, 1935]), тогда как другие скорее пренебрегали им в своих построениях (ср. [Любимов, 1910; Филевский (неопубликованная рукопись); Измайлов, 1916]).

Иностранцы в чеховской ранней прозе и драматургии

Ниже мы рассмотрим три коротких рассказа, переведенных Констанс Гарнетт, и одноактную пьесу «Свадьба» в переводе Джулиуса Уэста на предмет их трактовки образов иностранцев и «инородцев» в чеховской прозе.

Так, в рассказе «Лев и солнце» (1887), сюжет которого, как известно, косвенно связан с Таганрогом, один из центральных персонажей, Рахат-Хелам, знатный перс, посетивший Россию по пути в Западную Европу, изображается исключительно в комическом ключе. Английская версия следующего абзаца является почти дословным переводом, что допускается описательным характером русского текста, не содержащим почти никаких серьезных проблем для переводчика, т. е. в нем отсутствуют какие-либо слова, обозначающие реалии, или имена собственные, например:

1) *Когда он вошел в номер знатного перса, то последний был один и ничего не делал. Рахат-Хелам, громадный азиат с длинным, бекасиным носом, с глазами навывкате и в феске, сидел на полу и рылся в своем чемодане.*

2) *When he entered the distinguished Persian's apartment the latter was alone and doing nothing. Rahat-Helam, an enormous Asiatic, with a long nose like the beak of a snipe, with prominent eyes, and with a fez on his head, was sitting on the floor rummaging in his portmanteau.*

Важной деталью является то, что оба персонажа, и русский (мэр Куцин), и перс (Рахат-Хелам), не говорят на иностранных языках, поэтому в своем, преимущественно, невербальном, общении они лишь изредка обмениваются испорченными французскими или русскими словами, что переводчику удается передать вполне адекватно, например:

1) *Перс обернулся и пробормотал что-то на очень плохом французском языке, прозвучавшем как стук деревяшки о доску.*

2) *The Persian turned and muttered something in very bad French, that sounded like tapping a board with a piece of wood.*

В первоисточнике для характеристики языка перса используется эпитет «деревянный», что интерпретируется переводчиками следующим образом:

1) *Знатный перс поднялся и опять пробормотал что-то на деревянном языке.*

2) *The illustrious Persian got up and again muttered something in a wooden tongue.*

Кроме того, переводчику пришлось сделать трудный выбор при переводе искаженного русского слова «каряшо». Сравним, например:

1) *Он указал пальцем на город, потом себе на голову, и таким образом, по его мнению, получилась фраза: «Я городской голова». Перс ничего не понял, но улыбнулся и сказал:*

– Каряшо, мусье... каряшо...

2) *He (Kutsyn – the mayor) pointed with his finger at the town, then at his own head, and in that way obtained, as he imagined, the phrase: “I am the head of the town.” The Persian did not understand, but he gave a smile, and said:*

“Goot, monsieur... goot...”

Эта деталь используется еще раз в сочетании с французским *bien*, например:

1) *Знатный перс ел и пил с большим аппетитом. Он ткнул вилкой в балык и, восторженно мотнув головой, сказал:*

– Каряшо! Бьен!

2) *The illustrious Persian ate and drank with an excellent appetite, he stuck his fork into a slice of smoked sturgeon, and wagging his head, enthusiastically said: “Goot, bien.”*

У Чехова русское «хорошо» произносится персом «по-восточному» как «каряшо», что вписывается в расхожий стереотип. Этот «ориентализм» неоднозначно интерпретируется переводчиком как «goot», что представляет собой просто искаженное «good» с одним лишь отличием, т.е. использованием глухого [t] вместо звонкого [d].

Известно, что до 1917 г. население родного для А.П. Чехова Таганрога было этнически и лингвистически весьма неоднородным, что было вполне естественно для оживленного портового города. Исторически греческая община была самой важной и авторитетной в экономической и социальной жизни города и региона. Сам физический облик города во многом сформировался благодаря архитектурным вкусам греческого населения.

Конечно, взаимодействие славянской и греческой общин породило определенные популярные стереотипы, которые в повседневной жизни проявлялись, также, через некоторые пренебрежительные этнические прозвища. Местное славянское население, говоря о греках, использовало прозвище «пиндос» с неопределенной этимологией. По одной из версий, оно произошло от оронима «Пинд» – названия горного хребта в Греции [Любимов, 1910, с. 29 – 30].

Это прозвище упоминается, например, в рассказе Чехова «Огни» (написанном в 1888 г.), сюжет которого явно развивается в таганрогских пейзажах. Так, его главный герой, инженер Ананьев, говорит о судьбе обычной местной женщины следующее:

1) *«Выучится музыке и манерам, выйдет замуж за какого-нибудь, прости господи, грека-пиндоса, проживет серо и глупо, без всякой надобности, народит, сама не зная для чего, кучу детей и умрет. Нелепая жизнь!»*

2) *“She will be trained in music and manners, she will be married to some Greek – God help us! – will lead a grey, stupid, comfortless life, will bring into the world a crowd of children without knowing why, and then will die. An absurd life!”*

Что касается перевода, то его автор, как видно, даже не пытается каким-либо образом передать это этническое прозвище. Так, чеховское *выйдет замуж за какого-нибудь прости господи, грека-пиндоса* соответствует английскому *“she will be married to some Greek – God help us!”* (т.е. «за какого-нибудь грека, да поможет нам Бог!»), что гораздо менее выразительно и несколько семантически неадекватно.

Судя по значительному количеству местных греков и той важной роли, которую они играли в жизни юга России, можно считать само собой разумеющимся, что в те дни в регионе, несомненно, было довольно

широко распространено греческо-русское двуязычие. Представляется, что эта ситуация была и результатом, и движущей силой интенсивного языкового контакта. Как известно, носители греческого языка испытывают трудности с артикуляцией русских аффрикат и фрикативных согласных, особенно шипящих, заменяя их сибиллянтами и создавая, таким образом, своего рода «сюсюкающий» эффект. Эта особенность иногда использовалась русскими авторами (в частности, А.П. Чеховым) в качестве маркера речи персонажей-греков, и придавала ей большее правдоподобие.

Эти характерные языковые особенности использованы Чеховым в его знаменитой одноактной пьесе «Свадьба» (1889), переведенной на английский язык Джулиусом Уэстом. Она венчает собой серию ранних рассказов «Свадебного цикла», которые до сих пор не переведены на английский язык. Одним из наиболее колоритных персонажей пьесы является греческий кондитер Харламбий Спиридонович Дымба, который говорит по-русски очень плохо и, по замыслу автора, с типичным акцентом, например:

1) *Действие происходит в одной из зал кухмистра Андропова.*

Жигалов (Дымбе). А тигры у вас в Греции есть?

Дымба. Есть.

Жигалов. А львы?

Дымба. И львы есть. Это в России ниЦего нету, а в Греции все есть. Там у меня и отец, и дядя, и братья, а тут ниЦего нету.

2) *The scene is laid in one of the rooms of Andronov's Restaurant*

Zhigalov [To Dimba] ...And do you have tigers in Greece?

Dimba Yes.

Zhigalov And lions?

Dimba And lions too. In Russia Zere's nuSSing, and in Greece Zere's everySing – my faZer and uncle and broZeres – and here Zere's nuSSing.

В речи Дымбы русский [ч] в оригинальной русской версии пьесы заменяется на [ц], тогда как переводчик заменяет в своей версии [θ] на [s] и [ð] на [z].

Сравните русскую и английскую версии еще одного отрывка, в котором Дымба произносит речь:

1) *Дымба (встает, смущенно). Я могу говорить такое... Которая Россия и которая Греция. Теперь которые люди в России и которые в Греции... И которые по морю плавают каравия, по русскому знают корабли, а по земле разные которые железные дороги. Я хорошо понимаю... Мы греки, вы русские и мне ницего не надо... Я могу говорить такое... Которая Россия и которая Греция.*

2) *DIMBA. [Gets up, confused] I can't say what Zere's Russia and zere's Greece. Zere's people in Russia and people in Greece And zere's people swimming the sea in karavs, which mean sips, and people on the land in railway trains. I understand. We are Greeks and you are Russians, and I want nussing. ... I can tell you ... zere's Russia and zere's Greece*

Орфография отрывка передает искаженную русскую фонетику; синтаксис отрывка также чрезвычайно сильно искажен. Здесь 14 ошибок в русской версии переданы 10 ошибками – в английской.

Конечно, переводчику удалось лишь в отдаленном приближении передать ломаный русский язык Дымбы средствами английского языка. Среди прочего, непрерывно повторяющееся относительное местоимение «каторая» (то есть, *которое*) заменяется вводным «Zere's» (there's) (там), произносимым с характерным «сюсюкающим» греческим акцентом. Переводчик решил сохранить в своем тексте слово «каравиа» (искаженное русское «карабли» – корабли), добавив во множественном числе английскую форму – «karavs» – очевидно, чтобы передать языковой колорит чеховского оригинала. Однако никакой адекватной замены дымбовскому словосочетанию «железные дороги» в его специфической орфографии переводчик так и не нашел.

Еще один своеобразный пример отношения к иностранцам и «иностранцам» можно найти в рассказе А.П. Чехова «Тина» (1886). Он отличается от других примеров, обсуждаемых в данной статье, поскольку представляет собой своего рода характеристику, которая не направлена ни на кого лично, а является частью рассуждений главной героини – Сусанны Моисеевны. Будучи еврейкой, в разговоре с русским посетителем она сравнивает евреев, русских и представителей других народов. Некоторые народы характеризуются ею через их языки. Например:

1) «*Возьмите вы языки... Немецкий язык лошадиный, английский – глупее ничего нельзя себе представить: файть-фийть-фюйть! Итальянский приятен только, когда говоришь на нем медленно, если же послушать итальянских чечёток, то получается тот же еврейский жаргон. А поляки? Боже мой, господи! Нет противнее языка! «Не пепши, Петше, пепшем ветша, бо можешь пшепешитсь ветша пепшем». Это значит: не перчи, Петр, перцем поросенка, а то можешь переперчить поросенка перцем. Ха-ха-ха!»*

2) “*Take the languages, for instance. The German language is like the neighing of horses; as for the English you can't imagine anything stupider. Fight – feet – foot! Italian is only pleasant when they speak it slowly. If you listen to Italians gabbling, you get the effect of the Jewish jargon. And the Poles? Mercy on us! There's no language so disgusting! 'Nie pieprz, Pietrze, pieprzem wieprza bo mozeoz przepieprzyé wieprza pieprzem.'*

Прямая отрицательная характеристика немецкого и итальянского языков (немецкий сравнивается с «ржанием лошадей», а разговорный итальянский с «еврейским жаргоном») сопровождается пародированием английского языка: «файть-фийть-фюйть» (Fight – feet – foot). По поводу последнего сравнения отметим, что звукоподражательные слова в оригинале намного ближе к реальности, чем в переводе, где используются только три частотных английских слова, не создавая впечатления, содержащегося в чеховском тексте. Очевидно, его идея состояла в том,

чтобы выразить обилие дифтонгов в английском языке, а также частотность фонемы /f/. Таким образом, решение переводчика здесь представляется весьма недостаточным.

Самым интересным примером характеристики людей через их язык можно признать то, что Сусанна Моисеевна говорит о польском языке и поляках. Известно, что польский язык богат шипящими, и иногда за пределами Польши можно столкнуться с негативными популярными оценками его специфической фонетики (в русской классической прозе, ср., напр. рассказ Максима Горького «Старуха Изергиль»). Таким образом Чехов заставляет свою главную героиню – Сусанну Моисеевну – использовать популярную польскую скороговорку (см. выше), которая передает впечатление от польских шипящих.

В оригинале скороговорка транслитерирована по-русски, но переводчик идет намного дальше и переводит все слова на польский язык, чье написание здесь, более или менее, орфографически правильно. Думается, что это решение проблемы достижения эквивалентности можно признать весьма нетривиальным.

Ранний рассказ Чехова «Дочь Альбиона» (1883) в целом посвящен восприятию россиянами иностранцев и наоборот. Как известно, в нем изображена гротескная ситуация, вызванная полным взаимонепониманием между русским помещиком Грябовым и гувернанткой его детей мисс Тфайс. Любопытно, что в рассказе нет прямой речи англичанки, и о ее речи и голосе мы узнаем только из авторских замечаний. Например:

1) *Мисс Тфайс облила Грябова презрением и издала носовой звук.*

2) *Miss Fyce enveloped Gryabov in disdain, and uttered a nasal sound.*

1) *Англичанка, энергически двигая бровями, быстро проговорила длинную английскую фразу. Помещики прыснули.*

2) *The Englishwoman, moving her eyebrows vigorously, uttered rapidly a long sentence in English. The gentlemen gushed with laughter.*

Английская речь гувернантки только провоцирует смех двух русских, как и ее неловкое (по их мнению) имя – Уилька Чарльзовна Тфайс – англо-русское гибридное имя, придуманное А.П. Чеховым. Кстати, сама фамилия, которую Чехов записал как «Тфайс», явно сближается с русским междометием «Тьфу!». Это важное дополнение к портрету, но переводчик не смог или не захотел сохранить эту деталь в своей английской версии. Его «Fyce» – это искусственная фамилия, по крайней мере, мы не смогли найти ее ни в одном словаре английских фамилий.

Автор прибегает к характеристике героини рассказа через ее собственную речь лишь опосредованно. Прямое описание англичанки Грябовым, в котором он использует *inter alia* сниженную и бранную лексику, в рассказе гораздо важнее.

У переводчика, очевидно, возникли проблемы при передаче такой безэквивалентной русской лексемы, как «кикимора», при этом он использовал сначала сложное существительное «she-devil», а затем простое – «monster».

Также бранное «дурища» с эмфатическим суффиксом *-ищ-* переводится нейтральным «the great stupid». Презрительное «и живо по ихнему брехать научится» передается как «and learns to babble away in their lingo». Сниженное просторечное «брехать», безусловно, оказывается гораздо более выразительным, чем «babble», т.е. «лепетать».

Выразительное и оскорбительное в данном контексте русское слово «чучело», которое здесь, очевидно, ближе по семантике к английскому «scare-crow», опять переводится нейтральным английским словосочетанием «a stuffed image».

Вообще, этот рассказ, богатый сниженной просторечной и бранной лексикой, потерял в английской переводной версии большую часть своей выразительности.

Заключение

Характер изображения А.П. Чеховым иностранцев в его рассказах и пьесах изменялся вместе с эволюцией авторского метода и мировоззрения писателя. Неудивительно, что большинство его живописных персонажей-иностранцев относятся к раннему периоду творчества. В то время Чехов охотно прибегал к стереотипам и умело их использовал.

Характерные для раннего периода подробные и натуралистические описания вполне узнаваемых мест и лиц уступили место обобщающей, психологической и философской прозе более поздних произведений. Анализ текстов показывает, что «ломаный» русский, на котором говорят иностранцы, был лишь второстепенным средством, используемым Чеховым, предпочитавшим ему прямую портретную характеристику.

Как уже отмечалось ранее, следуя замыслу автора, переводчику приходится демонстрировать «нерусскость» своих персонажей, либо подчеркивая особенности их речи, либо выводя на передний план странности их поведения, отражающие широко распространенные стереотипы, либо передавая «необычный» образ мыслей.

Можно констатировать, что успешность передачи речевых и личностных особенностей чеховских «иностранцев» средствами английского языка в целом обратно пропорциональна богатству исходного текста словами, передающими реалии, и другими уникальными особенностями, отражающими эпоху, личный опыт и происхождение автора, его предпочтения и предрассудки, а также присутствию в тексте распространенных в обществе этнических стереотипов.

Литература

Васильев А.В. Краевые мотивы в творчестве Чехова // А. П. Чехов и наш край: к 75-летию со дня рождения: сб. / под общ. ред. А. М. Линаина. Ростов н/Д.: Азово-Черноморское краевое книгоиздательство, 1935. С. 184 – 201.

Забровский А.П. К проблеме типологии образа иностранца в русской литературе // Россия и Запад: диалог культур. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. Вып. 1. С. 87 – 105.

Измайлов А.А. А.П. Чехов. 1860 – 1904: Биографический набросок [Жизнь. Личность. Творчество]. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1916. 592 с.

Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.

Любимов М. Город Чехова // Чеховский юбилейный сборник 1860 – 17 янв. 1910. М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1910. С. 352 – 356.

Панова Е.П., Тюменцева Е.В. Образ иностранца в фольклорном и художественном текстах, литературном анекдоте XVIII – XIX веков и современном анекдоте // Филол. науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2 ч. Ч. II. С. 82 – 87.

Степанов Е.М. Російське мовлення Одеси. Одеса: Астропринт, 2004. С. 29 – 33.

Сурожский П.Н. Живые персонажи у Чехова // Южный край (газета). Харьков. 1910, 17 января, № 9891.

Сурожский П.Н. Местный колорит в произведениях Чехова // Приазовский край (газета). Ростов н/Д., 1914, № 171; 172.

Тан В.Г. На родине Чехова // Собр. соч. В.Г. Тана. Т. VIII. СПб.: Просвещение, 1910 год. С. 293 – 334.

Хализев В.Е. Речь как предмет художественного изображения // Литературные направления и стили. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 128.

Филевский П.П. «Таганрогская гимназия в ученические годы А.П. Чехова и его местные биографы и отношение писателя к родному городу». Непубликованная рукопись, хранящаяся в Таганрогском литературном музее им. А.П. Чехова.

References

Vasil'ev A.V. Krayevyye motivy v tvorchestve Chekhova. *A. P. Chekhov i nash kray: k 75-letiyu so dnya rozhdeniya: sb.* Pod obshch. red. A. M. Linina. Rostov n/D.: Azovo-Chernomorskoye krayevoye knigoizdatel'stvo, 1935. Pp. 184-201. (In Russian).

Zabrovskiy A.P. K probleme tipologii obraza inostrantsa v russkoy literature. *Rossiya i Zapad: dialog kul'tur.* M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1994, vyp.1, pp. 87-105. (In Russian).

Izmailov A.A. A.P. Chekhov. 1860-1904: *Biograficheskiy nabrosok [Zhizn'. Lichnost'. Tvorchestvo]*. M.: Tip. t-va I.D. Sytina, 1916. 592 p.

Literaturnyy ehntsiklopedicheskiy slovar'. M.: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1987. 752 p.

Lyubimov M. Gorod Chekhova. *Chekhovskiy yubileinyy sbornik 1860 - 17 yanv. 1910.* M.: Tipografiya T-va I. D. Sytina, 1910. Pp. 352-356. (In Russian).

Panova E.P., Tyumentseva E.V. Obraz inostrantsa v fol'klornom i khudozhestvennom tekstakh, literaturnom anekdote XVIII-XIX vekov i sovremennom anekdote. *Filol. nauki. Voprosy teorii i praktiki.* Tambov: Gramota, 2008, no. 1 (1): v 2 ch. Ch. II, pp. 82-87. (In Russian).

Stepanov E.M. *Rosiyske movlennya Odеси.* Odesa: Astroprint, 2004. Pp 29-33. (In Ukr.)

Surozhskiy P.N. Zhivyye personazhi u Chekhova. *Yuzhnyy kray (gazeta).* Khar'kov, 1910, 17 yanvarya, no. 9891. (In Russian).

Surozhskiy P.N. Mestnyy kolorit v proizvedeniyakh Chekhova. *Priazovskiy kray (gazeta).* Rostov n/D., 1914, no. 171; 172. (In Russian).

Tan V.G. Na rodine Chekhova. *Sobr. soch. V.G. Tana, t. VIII.* SPb.: Prosveshcheniye, 1910. Pp. 293-334. (In Russian).

Khalizev V.E. Rech' kak predmet khudozhestvennogo izobrazheniya. *Literaturnyye napravleniya i stili*. M., Izd-vo Mosk. un-ta, 1976. P. 128. (In Russian).

Filevskiy P.P. «Taganrogskaya gimnaziya v uchenicheskiye gody A.P. Chekhova i yego mestnyye biografy i otnosheniye pisatelya k rodnomu gorodu». Neopublikovannaya rukopis', khranyashchayasya v Taganrogskom literaturnom muzee im. A.P. Chekhova. (In Russian).

Alexander E. Pavlenko, Galina V. Pavlenko, Olga A. Stroganova
(Taganrog, St. Petersburg, Russian Federation)

Comic Images of Foreigners in Prose by A.P. Chekhov and the Problem if its Interpretation

The translators of fiction, drama and poetry from Russian into English have to render the Russian vision of foreigners while representing some literary characters. According to a time-honoured pattern foreigners have been depicted more often in a comic or humorous way. In Russian classical literature, in humorous context authors tended to embody the traditional stereotypes of foreigners, sometimes incorporating the ethnic nicknames which had been created long before the epoch of political correctness.

Key words: *A.P. Chekhov, prose, literary translation, the English language, comic, character-foreigner, stereotype, speech characteristic, culture-bound word, difficulty of translation, local specificity.*

Alexander E. Pavlenko – grand Ph.D. of Philology, professor of department of English. A.P. Chekhov Institute of Taganrog (branch of) Rostov State University of Economics. Taganrog, Russian Federation. E-mail: alex_pavlenko@inbox.ru

Galina V. Pavlenko – Ph.D. of Philology, associate professor of department of Humanities. Taganrog Institute of Management and Economics. Taganrog, Russian Federation. E-mail: galina21c@inbox.ru

Olga A. Stroganova – Ph.D. of Philology, associate professor of Institute of Humanities. Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University. St.Petersburg, Russian Federation. E-mail: stroganova.olga88@gmail.com